

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК ЕКАТЕРИНА ГОРБУНОВА

СМЕРТЬ
В ПИОНЕРСКОМ
ГАЛСТУКЕ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С50

Смелик, Эльвира Владимировна.

С50 Смерть в пионерском галстуке / Эльвира Смелик, Екатерина Горбунова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Смерть в пионерском галстуке).

ISBN 978-5-04-199721-2

Пионерский лагерь «Лесной» давно не принимает гостей. Когда-то здесь произошли странные вещи: сначала обнаружили распятую чайку, затем по ночам в лесу начали замечать загадочные костры и, наконец, куда-то стали пропадать вожатые и дети... Обнаружить удалось только ребят — опоенных отравой, у пещеры, о которой ходили страшные легенды. Лагерь закрыли навсегда.

Двенадцать лет спустя в «Лесной» забредает отряд туристов: семеро ребят и двое инструкторов. Они находят дневник, где записаны жуткие события прошлого. Сначала эти истории кажутся детскими страшилками, но вскоре становится ясно: с лагерем что-то не так.

Группа решает поскорее уйти, но... поздно. 12 лет назад из лагеря исчезли девять человек: двое взрослых и семеро детей. Неужели история повторится вновь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199721-2

© Смелик Э.В., Горбунова Е.А., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

— И что это у нас тут? — Кошкина засунула в образовавшуюся между полом и плинтусом щель тонкие изящные пальчики, подцепила маленький целлофановый хвостик, потянула к себе.

Находка явно не торопилась выбираться на свет, но и Яна сдаваться не собиралась, тащила, не обращая внимания на рвущийся целлофан, выцарапывала длинными ногтями, покрытыми черным лаком. Под многослойной, а потому почти не просвечивающей оберткой пряталось что-то достаточно твердое, точно прямоугольное и точно тонкое, типа книжки или тетради на девяносто шесть листов.

Валя Силантьева с неприкрытым любопытством заглядывала ей через плечо, но лезть с вопросами, а тем более с советами не решалась. Потому что Кошка даже не посмотрит, что подруга, если невремя сунуться ей под руку, отбреет так, что мало не покажется.

Соня вообще решила не подходить, стояла, привалившись к подоконнику, и наблюдала на рассто-

янии, хотя ей тоже было интересно, и ничуть не меньше, чем Силантьевой.

Тайник за плинтусом в одном из корпусов давно заброшенного загородного лагеря. Что там могло храниться?

Валя все-таки не выдержала, увидев, что усилия подруги наконец увенчались успехом, нетерпеливо воскликнула:

— Ну? Что там?

Но Кошкина не стала суетиться — нарочно, хотя даже издали было заметно, как подрагивали от возбуждения ее пальцы и блестели глаза. Дорвала целлофан.

— И что? Тетрадка? И всё? — разочарованно выдала Силантьева.

Кошкина ухмыльнулась, скривив уголок рта, глянула на нее.

— А ты чего хотела? Золотой слиток? Кучу денег? Здесь?

Валя не смутилась, фыркнула:

— Ну и на фига вот это было прятать?

— А может, это чей-то дневник? — предположила Соня, подходя ближе. — Личный. А из тумбочки могли вытащить и прочитать.

Яна вскинула голову, уставилась прицельно, теперь уже на Соню.

— У тебя тоже такой есть? Записываешь, кто что сделал, чтобы потом настучать? Потому и прятать приходится?

СМЕРТЬ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

— Да при чем тут «настучать»? — насупилась Соня. — Тебе бы хотелось, чтобы твои мысли кто-то прочитал? Или влез в вашу личную переписку? — Кивнула в сторону Силантьевой. — Как будто у тебя у самой мобильник не запаролен, чтобы никто зайти не смог?

— И что ты предлагаешь? — прищурилась Кошкина, демонстративно открыла тетрадь, наугад, но смотрела не в нее, а на Соню. — Не читать и назад засунуть?

Соня присела рядом с Кошкиной. Невольно окинула взглядом открывшиеся страницы.

А ведь, похоже, это и правда был дневник — листы в клеточку исписаны ровным почерком. Он словно кричал «Прочти меня», манил страницами.

— Если его до сих пор не забрали, оставили здесь, то, наверное...

— Тот, кто его писал, уже умер, — перебив, продолжила Яна.

— Да почему сразу умер? — опять возразила Соня, хотя и такое вполне вероятно, но думать о подобном совсем не хотелось. — Просто уже ничего не значит.

— То есть все-таки смотрим? — ехидно уточнила Кошкина, а Силантьева противно хихикнула, заявила:

— Да чего ты ее слушаешь. Сонечка просто вид делает, что такая вся правильная и возвышенная. А на самом деле...

У Сони сердце замерло и в животе стало холодно.

О чем это она? Чего приготовилась растрепать? Если у нее и есть свой секрет — а он есть, — не хватало еще, чтобы кто-то над ним смеялся и обсуждал. Особенно эти две.

Но тут снова вмешалась Кошкина, перебила теперь уже Валю, повторила с напором:

— Так смотрим или нет?

— А думаешь, там есть что-то интересное? — внезапно засомневалась Силантьева. — Точно ерунда какая-нибудь. — И произнесла с придыханием, закатывая глаза, пискляво и манерно: — «Обожаю Д. Он такой классный. Вчера по дороге в туалет мы случайно встретились взглядами, и я чуть не описалась от счастья».

Вот дура! Но Кошкина и теперь не стала выяснять, почему именно «Д.», перевернув сразу несколько страниц, открыла самую первую, наверняка надеясь увидеть дату и подпись. Но не нашла ни фамилии, ни даже имени, всего две буквы в уголке на внутренней стороне обложки — «А. В.».

Вот и думай что хочешь — вариантов куча. Да и год нигде не указан, только число и месяц.

Кошкина пролистывала страницы, ни на какой подолгу не останавливаясь, и чуть ли не зевала со скуки. Перевернула очередную, и сердце у Сони внезапно забилось быстро-быстро, и опять похолодело в животе, как при нехорошем предчувствии,

СМЕРТЬ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

а выхваченные взглядом слова словно вонзились в мозг.

«Здесь творится какая-то дичь!»

Кошкина с Силантьевой переглянулись и снова уставились в тетрадь. Яна, будто сомневаясь в реальности фразы, пролистнула на несколько страниц назад, потом опять вперед. Но слова никуда не делись, по-прежнему кричали, яркие и четкие, будто выжженные на белом фоне:

«Здесь творится какая-то дичь!»

— И что там творилось? — прошептала Валя недоуменно и настороженно.

И словно в ответ на ее вопрос с улицы донесся странный тягучий, режущий слух крик, что-то с силой ударило в оконное стекло. И почти сразу раздался новый крик, истошный, но уже вполне человеческий:

— Сюда! Идите сюда!

ГЛАВА 1

Все давно устали. Удобные походные кроссы казались тяжеленными кандалами, а рюкзаки нещадно давили на плечи. И не только рюкзаки. А само ощущение, что надо куда-то пилить по летней духоте, а дороге нет ни конца ни края.

Соня немного сдвинула ляжку, надеясь, что хоть так станет легче, и в очередной раз украдкой глянула из-под съехавшей на глаза пряди вперед и чуть вправо — на Демида, который всю дорогу топал рядом с Кошкиной и даже иногда подавал той руку. Хотя Яна и сама могла спокойно перелезть через лежащий на земле древесный ствол или перейти неглубокую канавку. Она же Кошка. Не только по фамилии, но и по сути. К тому же Кошка, гулявшая сама по себе.

Яну мало что интересовало, помимо собственной персоны. И Демид в том числе. Сколько бы он перед ней ни выделялся и ни старался произвести впечатление, она оставалась по-королевски равнодушной.

СМЕРТЬ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

Поэтому вдвойне невыносимо. А ведь, можно сказать, это именно из-за него Соня и согласилась на поход.

Поначалу идея родителей ее совсем не вдохновила, но те убедили сходить хотя бы на предварительную подготовку, а уже потом принимать окончательное решение.

Вот она и сходила. И сразу все сомнения отпали, стоило взгляду зацепиться за Демида, высокого, спортивно сложенного, красивого — такого классного и определенно самого лучшего из всех, кого ей до сих пор довелось встретить. А он... он все дни не отлипал от Кошкиной, и Соне волей-неволей приходилось за этим наблюдать.

Она уже сто раз пожалела, что согласилась на поход. Уж лучше бы сейчас сидела дома, чатилась в телефоне. А тут — мало что запретили взять с собой мобильники, решив, будто достаточно и тех двух, которые есть у инструкторов, так ведь еще и со связью проблемы.

И дело не в том, что Соне не прожить без интернета. А если случится чего? Ведь не дозвониться даже до спасателей. Но кроме нее, подобное, похоже, никого не волновало.

Инструкторша Настя неутомимо перла вперед, словно не человек, а робот-андроид, и знай командовала: прибавить шаг, подтянуться, не отставать, закрыть рот.

Хотя нет, последнее она не говорила. Поэтому Демид и не закрывал, сыпал байками и дурацкими

шуточками, иногда даже на грани, желая показать, насколько он крутой и взрослый.

Кошкина беззаботно ржала, а потом то обгоняла, то отставала. В зависимости от того, где в данный момент находилась ее лучшая подруга Валя Силантьева. Но уже через несколько минут Демид, словно притянутый магнитом, опять оказывался рядом и опять чуть ли не из штанов выпрыгивал, пытаясь ей угодить. Яна наверняка все это замечала и... откровенно плевала на его старания.

— Когда привал? — заныла Силантьева, выражая общие чаяния.

Просто остальные до сих пор молчали, пытались прикидываться сильными и стойкими. А Валя обычно, наоборот, при первой же возможности демонстрировала, насколько она беззащитная и слабая. Как что, сразу застывала с беспомощным выражением на симпатичном кукольном личике и хлопала ресницами.

И как только Кошка уговорила ее на поход? Шантажом? Или обманом? Или пообещала что-то особо ценное?

— Ну когда уже привал? — так и не дождавшись ответа, еще жалобней затянула Силантьева, и на этот раз ее услышали.

— Скоро, — сухо и неопределенно выдала Настя, но тренер Дмитрий Артемович, как всегда, улыбаясь во все тридцать два зуба, громко объявил:

— Сейчас будет хорошая полянка, и передохнем. Потерпите, ребята!

Настя сердито зыркнула на него, объявила бесстрастно и твердо с интонациями, не предполагающими возражений:

— Привал запланирован через пять километров. Так и сделаем.

— Настюш, — догнал ее Дмитрий Артемович, — ну видно же, что устали ребята. Не привыкли.

— Тогда разворачиваемся и возвращаемся, — сурово отрезала Настя, добавила со снисходительной саркастичной усмешкой: — А потом по домам. К мамочке и папочке. Раз все вокруг такие задохлики и неженки. Зачем тогда вообще было идти?

Зачем-зачем? Потому что родители решили, что это будет интересно и полезно для засидевшихся по домам, избалованных благами цивилизации городских детишек.

Хватит целый день втыкать в гаджеты. Вперед к природе и свежему воздуху.

В теории и в рекламном ролике действительно выглядело прикольно. А на практике...

Вот откуда они знали, соглашаясь, что будет именно так — большую часть времени не просто валяться на травке, купаться в речке и жарить зефирки на костре, а куда-то тащиться с неподъемными рюкзаками на плечах. Да еще и согласно какому-то дурацкому графику.

— Насть, ну правда, — Дмитрий Артемович, когда хотел, умел казаться очень убедительным. Даже кот из «Шрека» нервно топтался в сторонке. — Десять минут незапланированного отдыха погоды не сделают.

Но он ошибся. Как раз очень даже сделали. Десяти минут вполне хватило для того, чтобы небо затянуло низкие лиловые тучи и разразились таким ливнем, что не помогал даже наспех натянутый тент. Пришлось, как воробьям, сидеть, расстелив несколько туристических ковриков, на невысоком заросшем травой пригорке, прижавшись друг к другу, и смотреть на пузырящиеся потоки, за короткое время превратившие плотно утоптанную и совершенно сухую тропинку чуть ли не в горную речку.

Демид, конечно, пристроился рядом с Кошкиной и даже прикрывал ее от случайных капель полной собственной ветровки. А Соне досталось место рядом с железобетонной инструкторшей Настей, которую, похоже, не смогла бы смутить и выбить из колеи даже более серьезная природная катастрофа вроде землетрясения или торнадо.

Хотя инструкторша тоже немного нервничала. Соня видела, как та, задумавшись, покусывала внутреннюю часть щеки, как напрягала скулы. Или это ее так раздражали подопечные? Но приходилось терпеть, потому что другой работы нет?

Сидящий за спиной Рыжий придвинулся, упер твердый острый подбородок в Сонино плечо, но обратился не к ней, а к инструкторше:

— На-ась! Мы отлить. Можно?

Он — один из тех, кто невероятно раздражал Соню всю дорогу. Или даже не только дорогу, а еще раньше, с момента подготовки. И теперь ей хотелось посильнее потрянуть плечом, чтобы избавиться от его близкого присутствия и неприятного прикосновения.

— Куда? — рыкнула Настя.

Еще немного, и в характерном для нее саркастическом стиле — другого от инструкторши уже и не ждали — предложит закупиться памперсами в ближайшем населенном пункте. Но тут опять вмешался Дмитрий Артемович:

— Да, пусть прогуляются до кустиков. — По-приятельски пихнул Настю в плечо. — Или боишься, что еще больше разольется?

Та не ответила, только прожгла напарника негодующим красноречивым взглядом, потом развернулась к Рыжему.

— Вы — это кто? Все?

— Да не, — возразил тот. — За всех не знаю. — Перечислил: — Я, Кисель. Ну то есть Миша.

— И я, — подал голос обычно молчавший Славик.

Он был в группе самым младшим и вообще попал в нее, можно сказать, по благу, как сын директора турагентства. Папаша внезапно обеспокоился, что под усиленной опекой мамы и бабушки чадо растет в тепличных условиях, вот и навязал его